

Раздел девятый

ОБЩИЙ СМЫСЛ И ИТОГИ ПРОИДЕННОГО ПУТИ

Б.А.Грушин,
доктор философских наук.
Институт философии РАН

На перекрестке дорог, ведущих в будущие годы...

Я хотел бы затронуть два сюжета. Первый — лежащий целиком в рамках обсуждаемой проблемы — связан с предложенной организаторами симпозиума заменой его традиционной, девять лет державшейся темы "Куда идет Россия?..", новой, где глагол "идти" переведен в совершенную форму. На мой взгляд, эта новая формулировка по своим качествам значительно уступает предыдущей. Хотя бы уже потому, что явно грешит некоторой амбивалентностью, допуская два различных по вектору, окраске и тональности прочтения. При одном из них "Куда пришла" может толковаться как "До чего докатилась", при другом — как "Чего добилась, какие задачи решила". И если в первом случае в центре анализа должны быть преимущественно разного рода потери, понесенные Россией (государством и народом) в результате всех случившихся с ними бед, то при втором — напротив, преимущественно разного рода приобретения, ставшие возможными благодаря тем же процессам.

Главное же, новая формулировка предполагает, что Россия уже вышла на какие-то определенные (новые) рубежи и остается лишь определить их, ответив на вопрос "Куда именно она пришла?". Лично мне такая постановка вопроса кажется некорректной, поскольку, подобно очень многим выступавшим на симпозиуме, я также склонен считать, что страна никуда пока не пришла, что она по-прежнему в пути, а точнее, на перепутье (или, как у Леонида Мартынова: *"на перекрестке дорог, ведущих в будущие годы"*), и до первой крупной станции, случится ли она по дороге, ведущей прямо или направо, или налево, нам, увы, еще далеко — как говорится, идти и идти. И дело тут не столько в специфике России и

россиян (хотя она, конечно же, все время дает о себе знать), сколько в специфике самих процессов, начавшихся в 1985 г. и идущих, как мы видим, через пень колоду — с большим числом ошибок, которых могло бы и не быть, с огромными потерями, части которых заведомо можно было избежать, и, стало быть (самое главное), с тратой впустую немалого исторического времени.

Достаточно очевидно, что во властных структурах современной России нет единого понимания характера и содержания идущих и ожидающихся процессов. И тем более оно отсутствует в общественном (не говоря уже о собственно массовом!) сознании россиян в целом. Поэтому вопрос о том, *куда мы пришли*, кажется преждевременным, опережающим ход вещей, и должен быть предварен отнюдь не снятым еще с повестки дня расследованием (и уяснением в масштабах общества в целом) того, куда Россия идет, т.е. того, *что же все-таки на самом деле в ней и с ней произошло и происходит*. Уверен, что без достижения в этом пункте согласия основных субъектов перестройки, действующих во всех сферах бытия и духа на территории всей страны, процессы изменений еще долго-долго будут тормозиться и неумелыми руководителями государства, имеющими весьма смутные и противоречивые представления о направлениях дальнейшего развития российского общества, и безответственными политиками и политиканами из рядов так называемой оппозиции, морочащими людям головы разного рода неосуществимыми популистскими посулами, и, наконец, самими народными массами, чаще всего не понимающими ни причин, ни сути случившегося с СССР и потому избирающими, как правило, неадекватные способы поведения (участия или неучастия) в происходящих в стране и обществе преобразованиях.

Ясно, что оценка пути, пройденного Россией за последние 15—17 лет, находится в прямой зависимости от того, как оценивающие представляют себе общее содержание и конечные цели совершающихся (кстати, большей частью спонтанных) трансформаций. Тут факты не имеют никакого значения. Тут все определяется концепцией. В том числе и в сфере научного знания. Многие социологи, политологи, экономисты, историки, философы, а также интеллектуалы от культуры, поддерживающие всех мастей оппозицию, от Г.Зюганова до Г.Явлинского (некоторые из них выступали и на симпозиуме), дружно настаивают на том, что за все минувшие годы Россия не только не сделала ни шага вперед, но, напротив, постоянно катилась и продолжает катиться "в пропасть". Сторонники режима, как водится, уверяют в обратном — в том, что Россия то ли подошла к рубежу, за которым начнется "новая жизнь", то ли уже перевалила через этот рубеж. Одни пугают возможностью реставрации тоталитаризма, другие договариваются до того, что у нас уже возникло гражданское общество, победила демократия...

Моя позиция принципиально иная. Я категорически не согласен ни с тем, что Россия движется назад и тем более в "пропасть", ни

с тем, что все худшее у нее уже позади. При этом мое убеждение в том, что "еще не вечер", что Россия никуда пока не пришла и неизвестно куда придет, основывается на понимании вещей, которое в самом общем виде сводится к шести посылкам:

1. Начавшиеся в годы горбачевской перестройки и продолжающиеся в России до сих пор процессы, рассматриваемые с точки зрения их **формы**, не могут описываться в привычных терминах "эволюция" или "революция", поскольку являют собой более сложный тип социальных изменений, а именно *изменения цивилизационные*, совпадающие с переходом общества от одного типа цивилизации к другому. Это означает, что, имея в виду данные процессы, мы должны говорить не просто о преобразованиях, в ходе которых общество меняет свою экономику или свое политическое устройство — переходит от централизованной экономики к рыночной, от тоталитаризма к демократии и т.д., — но о *кардинальной ломке социальной структуры общества* (на уровне жизни социума в целом) и *коренной смене самой человеческой породы* (на уровне персональной жизни отдельных людей), т. е. о полном крушении существовавших в обществе до того модусов человеческого бытия, о гибели живших ранее типов социальных субъектов и социально-психологических типов личностей, с одной стороны, и зарождении на их развалинах неких новых образований — с другой.

2. Главное **конкретное содержание** этого тектонического сдвига заключается в замене *традиционно российских форм жизни*, на протяжении многих столетий (а вовсе не только 70 послеоктябрьских лет!) базировавшихся на феодальном холопстве и рабстве, некими качественно новыми формами, фундаментом которых является свободная личность и которые в современном мире связываются с понятием *"евро-американской цивилизации"*. Это означает, что, имея в виду данные процессы, мы должны говорить о разрыве России не только с идеологией и практикой коммунизма (тоталитаризма), но с *русизмом вообще*, русизмом как таковым, т.е. не только о смене политических и экономических одежек россиян, но и о коренных изменениях в самой натуре российского народа, в привычных практиках его жизнедеятельности, его менталитете и психологии.

3. В силу сказанного рассматриваемые процессы по всем своим **основным параметрам** должны оцениваться не в качестве лишь политических или экономических, но в качестве *исторических*, с двумя вытекающими отсюда неизбежными последствиями:

— их развертывание и плодоносность требуют особого, а именно исторического времени, предполагая смену нескольких (как минимум трех) поколений, т.е. по своей продолжительности рассчитаны не на год-два и не на 15 (уже прожитых!) лет, а на *многие десятилетия*;

— их протекание, особенно на первых этапах преобразований, не может не иметь сверхболезненного характера, оно, по определению, сопряжено с *острейшей конфликтностью*, многочислен-

ными и разномасштабными кровопролитиями, коль скоро в обществе, согласно точной дефиниции Платона (диалог "Законы"), "все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни, и каждый с самим собой"¹.

4. Тезис об уникальности, неповторимости нынешней России следует связывать не со знаменитым тютчевским "умом Россию не понять...", но исключительно со *спецификой переживаемого страной момента*: в составе вчерашней советской империи страна попала под колесо истории и оказалась в совершенно особенном, абсолютно неизвестном современному миру состоянии (неизвестном, во всяком случае, в таких геополитических масштабах и конкретно-исторических обстоятельствах). Отнюдь не ставшая первопродцом в глобальной истории человечества, а, напротив, существенно отставшая во времени по массе кардинальных параметров человеческого бытия и духа от многих стран Европы, Россия в середине 80-х годов получила возможность наверстать упущенное и начать движение по пути, который Англия прошла в XVI-XVII столетиях и который был досконально описан Томасом Гоббсом в "Левиафане", в том числе с помощью знаменитой формулы *bellum omnium contra omnes* (война всех против всех). Впервые столкнувшиеся с этим феноменом и не обладающие ни достаточным знакомством с историей, ни большим историческим воображением земляне XX столетия все время пытаются втиснуть происходящее в России в свой ограниченный опыт, прибегая к многочисленным аналогиям с Польшей, Испанией, Чили, послевоенной Германией и даже с США. Однако все эти аналогии не только бесполезны и потому бессмысленны, но и вредны, поскольку они рождают иллюзии, создают видимость понимания там, где требуется *принципиально новое знание*, способное идентифицировать вещи в их собственном, уникальном историческом качестве.

5. За последние 300 лет своей истории Россия не раз уже пыталась вступить на этот путь — при Петре I, Александре II, П.А.Столыпине. Однако по разным причинам ей ни разу не удалось преуспеть в своих намерениях, хотя названные лидеры нации были не на одну голову выше нынешних и хорошо видели конечные цели предпринимаемых начинаний. Что же касается перспектив реализации сегодняшних преобразований, то, при прочих равных обстоятельствах, они до сих пор внушают *немалый оптимизм*, поскольку впервые осуществляются не только и даже не столько по планам "сверху", сколько по потребностям снизу, включив в свою орбиту огромные массы людей не в качестве традиционных объектов управления, а в качестве активных субъектов поведения, реализующих собственные, а вовсе не властные представления о счастье. Вместе с тем в свете предшествующих исторических неудач и в

¹ Платон. Соч.: В 3 т. М/ Мысль, 1972. Т. 3, ч. 2. С. 87.

еще большей степени в свете гигантских трудностей, с которыми Россия сталкивается ныне на каждом шагу и которые она никак пока не может преодолеть в своем продвижении вперед, рассматриваемые преобразования следует квалифицировать все же лишь как *очередную историческую попытку* — не более.

6. В отношении будущего России с полной уверенностью можно сказать лишь одно — возврат нации к ее доперестроечному прошлому абсолютно исключен. Действительный же исход событий с самого начала был и по сей день остается в высшей степени непредсказуемым. При этом данное обстоятельство связано отнюдь не с трудностями анализа сложных и сверхсложных реалий, а с двумя главными характеристиками любого процесса смены цивилизаций: во-первых, с устойчивой, измеряемой десятилетиями *нестабильностью* всей общественной жизни, возникающей в результате разрушения всех без исключения прежде действовавших законов, норм и ценностей и принимающей поистине угрожающий характер в условиях отсутствия каких-либо новых (обязательных для всего общества) правил и установлений; и, во-вторых, с участием в процессе многочисленных разнонаправленных сил, *равнодействующая* которых до поры до времени остается *невычислимой*, коль скоро реальные величины каждой составляющей, а подчас даже и сам ее вектор не могут быть однозначно оценены.

Придя к такому пониманию предмета еще в конце 80-х годов (оно было изложено, в частности, в статье "Смена цивилизаций?"¹), я остаюсь верным ему и по сей день. Правда, должен признать, что похоже, ошибся со сроками завершения начинавшихся преобразований, когда отвел им всего 70 лет. Судя по первым 17 с лишним прожитым годам, решение вопроса "кто кого?" может затянуться, и нам долго еще придется вспоминать пушкинское: *"Родила царица в ночь / Не то сына, не то дочь; / Не мышонка, не лягушку, / А неведому зверюшку"*...

Второй сюжет — совсем из другой оперы — о продолжающейся неустойчивости в обществе результатов, добываемых в разных цехах гуманитарной науки, в том числе (а может быть, и особенно) социологическом и философском. Вышедшие в годы постперестройки, в том числе в самое последнее время, многочисленные работы наших социологов содержат глубочайший анализ происходящего в стране, учет которого мог бы сыграть важную роль в совершенствовании многих направлений текущей политики, повышении ее результативности и особенно при разработке серьезной, научно обоснованной и надежно выверенной программы (стратегии) развития российского общества на дальнюю перспективу (чего стоят в связи с этим одни лишь книги Т.И.Заславской "Социетальная трансформация российского общества" и Ю.А.Левады "От мнений к пониманию!"). Однако, как показывает практика, вся эта инфор-

Свободная мысль. 1991. № 18.

мация остается предметом внимания лишь узкого круга профессионалов и не попадает на мало-мальски систематической основе ни в кабинеты власти, где она могла бы быть использована в процессах принятия ответственных решений, ни в СМИ, особенно на телевидение, где она могла бы стать мощным средством просвещения масс и формирования общественного сознания.

Эту практику, на мой взгляд, надо решительно менять. По собственному (немалому) опыту контактов с высшими органами власти и руководителями СМИ (причем как в старые, хрущевско-брежневские, так и в новые, горбачевско-ельцинские, времена) я, естественно, отлично понимаю, сколь сложно (на грани с невозможным) добиться серьезного успеха как в первом, так и во втором направлениях. Если, в частности, говорить о нынешней власти, то, судя по всему, подобно всем предыдущим, подводить под свою деятельность какие-либо научные обоснования она явно не собирается. Значительно повысившие свой общеобразовательный уровень, более того, включающие в свой состав немалое число специалистов с научными степенями, нынешние правители России всех уровней иерархии власти, тем не менее, в подавляющем своем большинстве сохраняют поразительную верность обеим формулам, лежащим в основании российского государственного управления — открытой М.Е.Салтыковым-Щедриным и гласящей: "Начальство знает все!", и приписанной И.Ильфом и Е.Петровым одному из обитателей знаменитой "Вороньей слободки", отставному дворнику Никите Пряхину — "Как пожелаем, так и сделаем!".

Это значит, что на современном этапе реформирования общества существующие в стране властные структуры всех видов и рангов сами по себе никакой дополнительной информации (сверх той, которой они уже располагают) заведомо не запросят (если, разумеется, не иметь в виду интенсивные рейтинговые игры в периоды предвыборных кампаний, которые проводятся, как известно, с совершенно иными целями, нежели совершенствование процессов принятия решений и споспешествование становлению в стране гражданского общества). Иными словами, инициатива в сближении научного знания с социально-политическими и иными институтами, осуществляющими реформирование общества, в этом случае должна исходить исключительно от науки. Как, впрочем, и в случае контактов со средствами массовой информации, которые сегодня в самом лучшем варианте готовы лишь к тому, чтобы обнародовать пару-другую цифр из того или иного опроса общественного мнения и не более того. При этом не исключено, что внедрение социологического знания в практику повседневной деятельности СМИ может оказаться даже гораздо более сложным делом, чем налаживание сотрудничества с органами управления, поскольку сегодняшние российские СМИ, особенно телевидение, в общем и целом ориентированы, как известно, на совершенно другие ценности, нежели просвещение народа.

Заранее могу согласиться со всеми, кто скажет, что реализация идеи "захвата" социологами Кремля и Останкино — дело чрезвычайно сложное и хлопотное, но не соглашусь ни с кем, кто будет уверять, что оно абсолютно не реально и вообще не дело, а бред, чистая фантазия. Ошибочность такого скепсиса очевидна в свете опыта деятельности советских/российских социологов старшего поколения, которые, действуя в одиночку или малыми группами, и в условиях тоталитарного государства, смогли решить задачи куда более сложные, чем те, о которых теперь идет речь, а именно отстояли социологию как науку и добились ее институционализации в системах Академии наук, высшего образования и т.д. Невозможно поверить, чтобы в нашем нынешнем социологическом сообществе, насчитывающем не одну тысячу человек и включающем в свой состав такие мощные и авторитетные центры производства социальных знаний, как Институт социологии РАН или ВЦИОМ, не нашлось таких людей и организаций, которые смогли бы пробиться к представителям высшей власти и доказать им необходимость социологической составляющей (экспертизы) при принятии любых решений, затрагивающих жизнь народа, как и таких, кто мог бы преуспеть в получении специальной программы по социологии на одном из существующих каналов ТВ или развернуть движение за создание в стране так называемого общественного телевидения, независимого от государства и существующего на деньги народа — самой лучшей из всех возможных кафедр, которые могли бы реализовать программу всероссийского социологического всеобуча.

Уверен, что такие люди в нашем сообществе есть. И, если это так, то хотелось бы пожелать им, чтобы они действовали как можно более целеустремленно и активно, памятуя о том, что под лежащий камень вода не течет.